

„изъ-за первого чувства ужаса стало выдѣляться другое — чувство радости освобожденія отъ деспота съ закрытыми черными очками глазами, которые девятнадцать лѣтъ держали ее въ рабствѣ. Она сама ужаснулась этому чувству, сама себѣ не призналась въ немъ, а тѣмъ болѣе не высказала его никому.“

Въ томъ выражается несокрушимость дарованія у Толстого, что онъ ни отъ чего не ушель и ничего не забылъ. Какъ лермонтовскій демонъ, онъ и не взялъ бы забвенія. Вѣдь именно въ разительной памятливости духа и состоитъ психологическая основа его художественной организаціи. Больше чѣмъ всѣ писатели въ мірѣ показалъ онъ, что закону сохраненія подлежитъ не только матерія, но и душа. Въ ней тоже ничего не пропадаетъ, и не затеривается ни единый слѣдъ. Внутренній міръ не похожъ на аспидную доску, съ которой всегда можно стереть ея бренныя буквы. Что было, то и есть. Надо только запомнить. Толстой и запомнилъ — вотъ этой изначальной памятливостью своего существа. Онъ не забылъ ни одного впечатлѣнія дѣтства, ни одного вечера своей юности, ни одной мысли и молитвы. Не только, во исполненіе призыва, услышанного пророкомъ: „виждь и внемли“, напоилъ онъ свое зрѣніе и слухъ неизсякаемымъ обилиемъ ощущеній, видѣлъ и слышалъ за многое множество незрячихъ и глухихъ, развилъ свою безпримѣрную наблюдательность по отношенію къ настоящему, — онъ еще и прошлое не погрузилъ во